

Выступление товарища УЛЬЯНОВА М. А.

(Председатель правления Союза театральных деятелей РСФСР)

В общем, все уже вроде сказано. И глубоко, и подробно. И в докладе Михаила Сергеевича Горбачева, и в бесчисленных выступлениях публицистики, которую мы все с такой жадностью читаем. Многие уже в культуре нашей сделано, много в раскрепощении духовного движения, в распрямлении сделано и делается. Можно было бы и не выступать и не говорить. Но почему-то у меня в душе гнездится тревога.

За стенами этого дворца ждет многомиллионный наш народ, ждет, что решит конференция, какие кардинальные решения примет, и ждет, надо сказать, с огромной жадностью, желанием. А в выступлениях некоторых делегатов опять звучат заверения, клятвы, обещания решить все задачи. И единственное, что мешает по этим выступлениям, так это пресса. Вот сделаем ей укорот, и тогда все дело пойдет. Так ли это?

Это правда, что сегодня историческое время. Сегодня мы, как тот богатырь в сказке, выбираем единственно верный путь, другие дороги — гибель. Мы его выбрали, этот путь. Сегодня история дышит рядом с нами. Правда, в совсем недавние времена мы свыклись с тем, что у нас все или почти все называлось историческим. Любое маломальски здоровое решение, а частенько и не совсем здоровое, называлось историческим. Но сегодня — действительно рубеж истории нашей жизни: либо — либо. Либо конференция выполнит волю и чаяния народа, страстно и давно желающего жить и работать в стране с четко выраженными законами, которые никому нельзя изменить, отменить, если они выражают интересы народа и утверждены волей народа. Либо опять будем вздрагивать от командного крика, не имея ни малейшей гарантии от любых волево-приказных запретов, изъятий, наказаний, беззаконий местного и не только местного покроя, вседозволенности бюрократии, всевластия партийного и хозяйственного аппарата, иной раз жившего до недавнего времени по купеческому принципу: что хочу, то ворочу. Иногда такой ухарь-купец прикрывал незаконные тряпичей демагогии, а часто даже этого камуфляжа не делал, уверенный, что стерпят, промолчат. И горькая правда в том, что и терпели, и молчали.

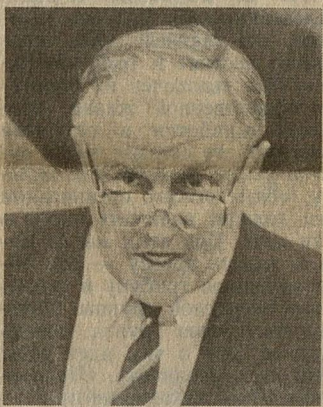
Либо диктат аппаратчика со всеми вытекающими последствиями, вплоть до культа и репрессий, либо народо-власть, где будут царствовать не произвол, волюнтаризм и застой, а будут царствовать законность, конституционные гарантии, незыблемость права народа участвовать в устройстве собственной жизни, а не быть безгласным «винтиком».

За «винтики» поднял тост в 1945 году Сталин. А в 1921 году Владимир Ильич писал в «Правде» в статье «О чистке партии»: «Конечно, не всем указаниям массы мы подчинимся, ибо масса тоже поддается иногда... настроениям несколько не передовым. Но в оценке людей, в отрицательном отношении к «примазавшимся», «закомиссарившимся», к «обюрократившимся» указания беспартийной пролетарской массы, а во многих случаях и указания беспартийной крестьянской массы, в высшей степени ценны. Трудящаяся масса с величайшей чуткостью улавливает различие между честными и преданными коммунистами и такими, которые внушают отвращение... Чистить партию, считаясь с указаниями беспартийных трудящихся — дело великое. Оно даст нам серьезные результаты, оно сделает партию гораздо более сильным авангардом класса, чем прежде...» Итак, Сталин за «винтики», Ленин — «указания беспартийной пролетарской массы... в высшей степени ценны». Вот вам две позиции.

Сегодня — рубеж. История близко приблизилась к нам и с надеждой заглядывает нам в глаза: не ошибись, не струсь, не испугайся! Человек, сегодня ты еще многое можешь сделать, завтра может быть поздно! Будь умным, и не чужой дядя будет за нас решать, а мы сами должны отстоять и укреплять демократию и народо-власть, другой силы нет. Мы — народ и партия — должны сами отстоять и укрепить права и законы, при которых можно будет жить безбоязненно и уверен-

ным в завтрашнем дне. Либо мы создадим такое положение, где демократия будет существовать как кислород для жизни, где будет цениться талант и труд, а не номенклатура и покладистость, где жизнь будет выдвигать вверх людей деятельных, головастых, самостоятельных, способных работать без понуканий и дерганий, либо будем опять, чтобы как-то жить, продавать наше богатство, искать виноватых и запрещать всякое свободомыслие. Было это уже, и слишком хорошо всем здесь сидящим известно, к чему это привело.

Если перестройка потерпит поражение, то перестанет существовать мир. Судьба мира висит на волоске и напрямую зависит от успехов перестройки. Чем мы будем сильнее, тем спокойнее будет в мире.

Это говорят во всем мире. Это уже понимает любой американский сенатор. А нашему родному администратору — главное удержать командное кресло, а там — трава не расти. К сожалению, это не превеличение испугавшегося интеллигента, а действительность во всей ее драматичность.

Но кто же нам мешает сделать то, что светло и разумно задумано? Везде и всюду говорят и пишут: бюрократизм, бюрократизм, бюрократы. Да что же это за существо такое, невидимое и непостижимое? Все о нем знают, но никогда и никто не видел. Прямо какой-то снежный человек! Следов — тьма, все затоптано, а его никто в глаза не видел. (Аплодисменты). Вроде как раньше говорили, нечистый дух. Ну ладно, в старину люди были темные, хотя и очень работящие, сами себя кормили, они верили в «нечистый дух». (Смех. Аплодисменты).

Но мы-то вроде цивилизованные люди. Если есть решение, как говорят люди умные, знающие, о госзаказе, который душил всякую инициативу предприятия и буквально его разоряет, если за министерствами оставлено право придумывать любые нормативы, отбирающие у хорошо работающего предприятия до 90 процентов их прибыли, если на кооператоров накидывают такую удушную сеть прогрессивного налога, что все кооперативное, так нам нужное движение, захлебнется, а кооператоры махнут на все рукой и опять пойдут играть в домино, то это печально.

Но ведь эти законы придумывают люди, у них есть фамилии и есть посты, возвышаясь на которых они так усердно пилят сук, на котором мы еле сидим. Значит, нет силы, нет власти остановить эту «экономную экономику». А иначе как понять, что удивительные изобретения наших умельцев, наших «левшей» годами не находят себе применения. Как понять, что умнейший председатель Михаил Григорьевич Вагін буквально кричит: дайте мне свободно работать. Директор знаменитейшего совхоза Аркадий Филимонович Вепрев тоже просит развязать ему руки. И просят они простого: дать им спокойно работать и кормить людей. А чиновники повисли на них, как свора на медведя, и рвут их своими инструкциями. (Аплодисменты).

Как примириться с тем, что большинство выпускаемых изделий и продукции нашей промышленности неконкурентоспособно на мировом рынке и что мы так отстали от техники, как говорят люди знающие? Неужели мы такие косорукие и такие безголовые? Кто или что мешает талантам, самородкам, здоровому смыслу, логике, выгоде наконец? Почему же он такой всемогущий, бюрократ наш? А всемогущий он потому, что бюрократ побеждает не логикой и лучшим решением, а силой захваченной власти. А захватив власть, он окружает себя и себе подобными, уж никому эту власть не отдаст. Для того и номенклатура придумана,

это как каста неприкасаемых. И придумано это не сегодня, это придумано тогда, когда много для нас придумано было плохого. Отсюда и поразительная приспособляемость, и удивительная непотопляемость номенклатуры, отсюда и удрушение всего талантливого, ибо сравнение не в его пользу. Отсюда и славословие — надо же создать видимость дела. Отсюда бесконечные заседания, совещания, ибо только в этом толчении воды в ступе бюрократ силен. Видимость работы: решение принято! Отсюда бесконечный поток бумаги, который, как горный сель, душил и заволакивает все живое. Но именно это и надо администратору. Народ спеленут запретительными путями, тогда бюрократ силен, тогда он всевластен, тогда он непобедим. Отсюда вседозволенность, отсюда бесконтрольность, отсюда закрытость и тайнственность аппарата и партийного, и хозяйственного. Все это опять может привести к культу, может быть, еще более свирепому и жестокому. А почему нет? Есть у нас сегодня такие правовые, юридические, политические, конституционные гарантии, права, законы, которые бы оградили нас от возможного бесконтрольного администрирования, а там, глядишь, — и культ? Нет. И наша архиважная задача и народа, и партии найти, во что бы то ни стало найти, выработать такие законные гарантии, которые были бы непреодолимой преградой для любого лихого желателя покомандовать, погнать народ, пустить кровь. А что подобное абсолютно реально, показала горькая и жутковатая история со статьей Нины Андреевой. Эта статья застала нас врасплох. Многие, не все, но многие уже вытянули руки по швам и ждали следующих приказаний.

М. С. Горбачев. Михаил Александрович, она прислала письмо. Вот здесь, сейчас к нам поступило, передали. Члены Президиума будут читать письмо. Она настаивает на своем.

М. А. Ульянов. Вот видите как! Но не в ней дело, дело в нас, что мы перепугались ее письма. Вот что страшно. (Аплодисменты). И появились они, эти указания, их моментально бросились бы выполнять, не задумавшись и не колеблясь. Раз написано в газете, значит, это указание. И хоть душа болела, а подавляющее большинство замерло и ждало предначертаний. И понимали, что это неверно, а ждали, тряслись, но терпеливо, послушно и обреченно ждали. А не появилась статья в «Правде», всколыхнувшая опеменение, общественное молчание, ожидание, как шла наша конференция сегодня? Вот ведь как глубоко в печеньку влезли в нас послушность и бездумная исполнительность! 150 лет назад Александр Сергеевич писал:

Беда стране, где
раб и льстец
Одни приближены
к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Оглушила на время нас эта статья. Как выяснилось, мы еще боимся «сметь свое суждение иметь». Ну, положим, можно понять человека времен культа: боялись за свои головы. Действительно было страшно, наверное. Можно понять человека времен волюнтаризма: верили без оглядки Хрущеву. Понять бы можно человека времен застоя, когда вообще ни во что не верили, видя вселенскую ложь и воровство. Но сейчас-то чего ждать? Сейчас-то что мешает определить, когда развязаны руки, раскрыты души? Неужто опять проклятый страх, который сидит в наших генах? Истинно сказано: надо прежде всего перестраиваться самому. Но думается, что без правовых, экономических, политических, юридических рычагов, способных создать законоохранное государство, не удастся изменить нам самих себя. Человеческий фактор без правовых основ не сыграет никакой роли. Так я думаю.

Два слова об отставании театра от жизни, которое сейчас существует и за что нас справедливо критикуют. Почему-то кажется, что раньше театр всегда отвечал требованиям времени и мгновенно создавал спектакль, отражающий жизнь, а сейчас — нет или, по крайней мере, слишком мало. Но не забудем, как часто мы раньше декларировали события времени, как часто конъюнктурность являлась гарантом наших ус-

пехов на сцене. И хоть мы заклинали самих себя, что идея должна быть художественно выражена в жизни, в жизни чаще злободневность считалась главным достоинством. И тут уж было не до художественности, тем более, что злободневность очень высоко оценивалась и награждалась, а человек слаб и шел на это.

Конечно же, были глубокие, талантливые произведения, не о них речь. И как трудно они пробивались, не об этом сейчас говорю.

Главное-то в том, дорогие товарищи, что разве было когда-нибудь за последние годы, чтобы все встало на дыбы, все подвергается анализу, поискам выхода из того тупика, в который нас загнала и политика культа, и политика застоя.

Тогда все было вроде ясно: вот враг народа, вот герой страны, вот кулак, вот активист, вот белый, вот красный. Все ясно. Сейчас поди, разберись: кто «белый», кто «красный». Очень сложно. (Аплодисменты). Сейчас время непривычное, многих пугающее. Есть растерянные, есть злые, есть ждущие своего часа, чтобы привести в чувство народ, не в меру разговорившийся. И обнадёживающее, и трудно сейчас.

А главное, публицистика сильнее всяких детективов. Знаменитый Мегрэ в подметки не годится Гдлану, что в Узбекистане работает следователем по особо важным делам. Мегрэ! Что такое Мегрэ по сравнению с тем, что открывает от там! (Смех). Искусство — это как выдох, но, не набрав воздуха, не выдохнешь. Театр никогда не уходил от жизни и сейчас не уходит. Он вместе со всей страной разбирается, сопоставляет, ищет и многое уже делает. Союзы творческие много делают. Можно об этом много рассказывать, но я знаю, что вы начнете аплодировать и тут же не дадите и цифры произнести. Уже ясно, тут же все ученые на этой трибуне. (Аплодисменты).

Но я осмелюсь высказать несколько предложений. Мне представляется необходимым на конференции или после нее создать специальную комиссию, возглавляемую Генеральным секретарем и составленную из самого широкого круга народа и ученых, которая выработала бы систему выборов и в партийный аппарат, и в государственный аппарат.

Опыт выборов на XIX конференцию выявил настоятельную необходимость этого шага. Выборы должны выражать интересы народа и выдвигать действительно людей талантливых и смелых, верных и компетентных. Выдвигать и голосовать, а не назначать и утверждать малой группой. Разумно выработанная система выборов избавит нас от волюнтаризма аппарата и от путаницы в народной голове, которая тоже существует.

Второе предложение, из-за которого я сегодня действительно не спал всю ночь. Мне трудно будет произнести его, но произнесу. Предложение о сроках пребывания на любом посту и в партии, и в государственно-хозяйственной работе верное и жизненно необходимое. Тут уже появилось предложение: в виде исключения выдвигать и на третий срок, то есть на 15 лет. 15 лет — срок немалый.

Вы знаете, товарищи, что там, где у нас появляются щели исключения, там через краткое время открываются ворота и туда уже идут толпой и все исключительно исключительно. (Аплодисменты).

Ради действительно демократизации, ради оздоровления жизни предлагаю сделать правилом, нормой — один срок, а на второй срок выбирать претендента, получившего не менее 2/3 голосов тайным голосованием и с неперменным участием конкурента или нескольких конкурентов, которые тоже голосуются. (Аплодисменты).

Но нам нужен Михаил Сергеевич Горбачев на посту генсека на максимально большой срок. Слишком еще слабы наши демократические слагаемые, чтобы не бояться какой-нибудь напасти в виде «отца и учителя». (Аплодисменты). А Горбачеву мы верим. Поэтому предлагаю на третий срок выбрать только Горбачева как чрезвычайное решение. (Аплодисменты). Это исключение, а не правило, ибо сейчас идет социальная революция. В революции, на переправе — коней не меняют, как говорят. Лидера нельзя менять во время такого серьезнейшего усилия.

(Окончание на 8-й стр.)

Выступление товарища УЛЬЯНОВА М. А.

(Окончание.
Начало на 7-й стр.)

Еще я подниму один вопрос, который наверняка не будет поддержан, но посмею. Считаю, что редакторов центральных, областных и краевых газет, а в республиках — республиканских и областных газет — выбирать на съездах и пленумах. И тем самым ограждать их от тяжелой руки областного и республиканского руководства. Слишком завязаны газеты на местные власти, потому зависимые и безголовые. А без прессы, ее свободы, ее смелости тоже немислима ни демократия, ни гласность. (Аплодисменты).

У нас однопартийная система, но в природе ведь все построено по принципу борьбы противоположностей. Вот здесь-то и нужна пресса, которая как противостоящая сила и может выполнять роль противоположности, если в этом возникнет нужда.

Я не понимаю одного. Мы провозглашаем критику и самокритику как способ самоочищения. Ну, с самокритикой ясно. Она и называется самокритика, т. е. ты сам себя критикуешь. Трудно это, но допустимо. Ну, а критиковать-то нас кто-то должен? А то опять получится самокритика. Во всем мире этим, вернее — и этим, занимаются газеты и журналы. Ну, а кто же будет критиковать и освещать события, становиться на сторону слабых и обиженных, искать правду, да просто держать открытым окно в мир, как не газета или журнал? Так происходит во всем мире. Это естественно. Но как совместить требования усиливать критику и жесткое требование заткнуть газете рот, если она, не дай бог, кого-то посмеет покритиковать? «Какой-то газетчик смеет критиковать выборного работника!» — недавно прозвучало на этой трибуне. Можно веру в перестройку потерять после таких заявлений. Во всем мире газеты всегда — острейшее оружие, а у нас некоторые товарищи хотели бы всю прессу держать в кармане.

О какой перестройке может идти речь, если газете запретить быть зеркалом, отражающим весь наш мир во всем его прекрасном и далеко не прекрасном разнообразии? Нет, дорогие товарищи, если перестраиваться, то надо перестраивать и наше отношение к газете, как к «даме приятной во всех отношениях». Нет, прес-

са — это самостоятельная и серьезная сила, а не запуганная служанка некоторых товарищей, привыкших жить и руководить бесконтрольно. Но как раз с этим-то мы и хотим бороться.

М. С. Горбачев. Поднятый Вами, Михаил Александрович, вопрос очень важен. Если мы откажемся от того, чтобы двигать процесс гласности, критики, самокритики, демократии, — перестройка погибнет. Мы твердо стали на путь гласности, и по нему надо идти неуклонно. И вот почему. В первых, наш строй народный, и народ должен участвовать в устройстве жизни общества через политический процесс, через возможность высказывать свою точку зрения, доводить свое мнение до всех, критиковать неугодных и недостатки. Тем самым проходить школу участия в управлении делами. Это ясно, и в таком направлении мы должны идти дальше.

Но, цитируя в своем выступлении это место моего доклада, точнее, из доклада ЦК КПСС, Г. А. Арбатов остановился на полпути. Если бы он пошел дальше, то увидел бы, что в докладе сказано: нам нужно сейчас новое качество партийной прессы. Когда Владимир Ильич Ленин говорил о гласности, он предупреждал, что гласность — это разговор по существу без литературного наезничества. (Аплодисменты). На конференции надо честно, по-партийному сказать, что речь действительно идет о судьбе страны, о том, как мы будем жить дальше, как будем строить общественные отношения.

В те минувшие времена в средствах массовой информации была монополия одних людей, и мы знаем, к чему она привела. А теперь мы видим, как потихоньку прессу как общенародную трибуну хочет использовать монополия другой группы людей. Мы хотим плюрализма мнений. Поэтому надо дать возможность высказывать различные точки зрения, тогда станет яснее весь спектр настроений, проблем и на этой основе вырвется решение.

М. А. Ульянов. У нас сейчас две монополии. Одна на местах...

М. С. Горбачев. Так вот: нам нужно не заменять одну монополию другой, одну правду другой полуправдой. Нам нужна вся правда как жизнь, мы должны знать ее и перестраивать ее на социалистических принципах, на

принципах нашей морали, а не в угоду другой монополиям групп. И вообще следует в период, когда мы определяем линию, как дальше жить, думать не о том, где кто-то завтра на каком кресле окажется, а думать о стране, о судьбе страны. Тогда мы найдем правду. (Аплодисменты).

Разница между прессой местной и центральной содержит два момента. С одной стороны, местная печать медленнее вступила на путь перестройки и еще не в полной мере развернула потенциал гласности, демократии. Это правильно. А с другой стороны, она избежала лихих вещей, которые нам иногда преподнесла центральная пресса. В наших газетах и журналах могут оскорбить человека. Разве это допустимо в социалистическом обществе? Об этом надо решительно сказать на конференции, но в то же время, чтобы сохранить гласность и критику как формы постоянного существования активного обмена мнениями в стране. Без этого мы не решим стоящих перед нами задач. По-моему, у нас нет расхождений, Михаил Александрович.

М. А. Ульянов. Можно задать Вам, Михаил Сергеевич, вопрос?

М. С. Горбачев. Пожалуй-ста.

М. А. Ульянов. Вы за то, чтобы не было действительно ошибки и обиды какого-то человека и поэтому принизить прессу или, наоборот, как я Вас понял, поднять прессу, даже если мы ошибемся? В этой борьбе ошибки могут быть...

М. С. Горбачев. Михаил Александрович, раз мы говорим, что главный урок прошлого состоит в том, что народ был выключен из процесса общественной жизни, процесса выработки и принятия решений, то сегодня через политическую демократию, прессу, общественные организации мы должны включать народ в эти дела. При этом мы не можем отдать прессу — эту общенародную трибуну в ведомство очередной группы. Раньше была одна группа, теперь другая. Вот о чем идет речь. Это надо различать. (Продолжительные аплодисменты).

Расхождений я не вижу, я даже приветствую, что Вы начали этот разговор, потому что Вы дали мне возможность включиться в него. Тут должна быть полная ясность. Если

кого-то задевает критическое выступление печати и он чувствует от этого неудобство, но это выступление правдивое, — что ж, переваривай, иди к людям, выясняй у них, почему так происходит, думай, как поправить дело. Тогда будет жить наша партия. И при однопартийной системе у нас будет обеспечена такая демократия, которая не снилась никому представляющему или желающему за рубежом подать себя как образец демократии. А таких сейчас в мире много.

М. А. Ульянов. Совершенно справедливо, что пресса — это мощное оружие, им надо пользоваться умело и в интересах народа и партии.

М. С. Горбачев. Правильно. (Аплодисменты).

М. А. Ульянов. Но это оружие, которое может и покарать. Это тоже правда.

Дорогие мои товарищи по перестройке, вы видите, какой редчайший, великолепный, исторический шанс у нас есть. Какие возможности обновления всей нашей жизни, какой свет надежды загорелся в глазах народа, который слишком много перестрадал. Так неужели опять, уже в третий раз, мы уступим бюрократической бездумной машине, наденем опять на себя хомут удушающего догматизма, опять взнудаем себя рвущей губы уздой запретительства! Нет, давайте не забывать, во что обошелся народу так называемый период застоя. Про культ говорить спокойно нельзя. Поверив Хрущеву, поверив оттепели 50—60-х годов, а потом снова будучи отброшенным брежневским безвременьем, периодом чудовищного расцвета коррупции, взяточничества, невежества, да просто дикарства, выразившегося в стыдную игру законограждения, народ махнул рукой и занялся всем, чем угодно, только бы во что-нибудь погрузиться. Именно в эти годы начался страшный запой народа, да еще всячески подогреваемый. Так во что же может обернуться третье разочарование, если мы не выиграем этот нелегкий бой? Если такое случится, не будет нам прощения от наших детей, внуков и правнуков. Я не хочу, чтобы когда-нибудь о нас горько и страшно сказали словами Владимира Ильича Ленина: «Революционная фраза о революционной войне погубила революцию». (Аплодисменты).

О Н Ф Е Р Е Н Ц И Я К П С С

ных позиций оценивать любое явление. Мы рассчитываем, что ЦК КПСС, Академия общественных наук при ЦК КПСС осуществляют кардинальные меры по перестройке системы партийно-политической подготовки кадров, приведения ее в соответствие с требованиями современного этапа развития нашего общества. Нам кажется, что более логичной, мобильной должна быть и система обновления кадров, их обмена между республиками, центром и местными партийными организациями. Эта хорошая идея неоднократно выдвигалась и поддерживалась в документах ЦК КПСС. Однако делается в этом отношении очень мало.

Коммунисты Азербайджана хорошо сознают все трудности и масштабность стоящих задач. В республике есть возможности для их решения. Мы имеем эталонные предприятия в промышленности, образцовые хозяйства на селе, а главное — велико желание народа трудиться во имя перестройки.

Предстоит огромная работа с тем, чтобы социально-экономическое развитие республики, нравственное возвышение людей соответствовало задачам перестройки. Сознвая крайне неудовлетворительное положение, в котором оказалась социальная сфера республики, мы определяем приоритетные направления. Упор делается на удовлетворение потребностей

населения в продуктах питания, особенно путем интенсификации животноводства, на наращивание темпов жилищного и социально-культурного строительства, коренной перелом в охране здоровья народа.

В ходе обсуждения Тезисов ЦК КПСС в первичных организациях и трудовых коллективах мы еще раз убедились, как волнуют именно эти проблемы наших людей. И мы решили вынести эти вопросы на всенародное обсуждение и рассмотреть их на Пленумах Центрального Комитета партии.

В заключение хочу подчеркнуть особую важность дальнейшего усиления руководящей роли нашей партии. Азербайджанский народ связывает

с Коммунистической партией свои надежды, свою будущность. И если сегодня мы открыто признаем допущенные недостатки, честно оцениваем пройденное, то это делается ради того, чтобы наша партия стала более дееспособной. Силу КПСС, ее умение вести общество к намеченной цели убедительно подтвердил весь послеапрельский период, когда наша партия успешно возглавила процесс обновления. Только через руководящую роль Коммунистической партии мы добьемся необратимости начатых преобразований, оправдаем надежды и ожидания советского народа. (Аплодисменты).

Выступление товарища УЛЬЯНОВА М. А.

(Председатель правления Союза театральных деятелей РСФСР)

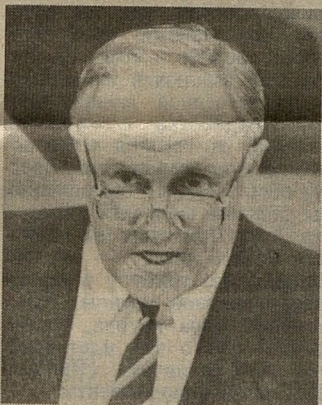
В общем, все уже вроде сказано. И глубоко, и подробно. И в докладе Михаила Сергеевича Горбачева, и в бесчисленных выступлениях публицистики, которую мы все с такой жадностью читаем. Многие уже в культуре нашей сделано, много в раскрепощении духовного движения, в распрямлении сделано и делается. Можно было бы и не выступать и не говорить. Но почему-то у меня в душе гнездится тревога.

За стенами этого дворца ждет многомиллионный наш народ, ждет, что решит конференция, какие кардинальные решения примет, и ждет, надо сказать, с огромной жадной жаждой. А в выступлениях некоторых делегатов опять звучат заверения, клятвы, обещания решить все задачи. И единственное, что мешает по этим выступлениям, так это пресса. Вот сделаем ей укорот, и тогда все дело пойдет. Так ли это?

Это правда, что сегодня историческое время. Сегодня мы, как тот богатырь в сказке, выбираем единственно верный путь, другие дороги — гибель. Мы его выбрали, этот путь. Сегодня история дышит рядом с нами. Правда, в совсем недавние времена мы свыклись с тем, что у нас все или почти все называлось историческим. Любое маломальски здравое решение, а частенько и не совсем здравое, называлось историческим. Но сегодня — действительно рубеж истории нашей жизни: либо — либо. Либо конференция выполнит волю и чаяния народа, страстно и давно желающего жить и работать в стране, где...

ным в завтрашнем дне. Либо мы создадим такое положение, где демократия будет существовать как кислород для жизни, где будет цениться талант и труд, а не номенклатура и покладистость, где жизнь будет выдвигать наверх людей деятельных, головастых, самостоятельных, способных работать без понуканий и дерганий, либо будем опять, чтобы как-то жить, продавать наше богатство, искать виноватых и запрещать всякое свободомыслие. Было это уже, и слишком хорошо всем здесь сидящим известно, к чему это привело.

Если перестройка потерпит поражение, то перестанет существовать мир. Судьба мира висит на волоске и напрямую зависит от успехов перестройки. Чем мы будем сильнее, тем спокойнее будет в мире.

Это говорят во всем мире. Это уже понимает любой американский сенатор. А нашему родному администратору — главное удержать командное слово, а там — правда, не па-

это как каста неприкасаемых. И придумано это не сегодня, это придумано тогда, когда много для нас придумано было плохого. Отсюда и поразительная приспособляемость, и удивительная непотопляемость номенклатуры, отсюда и удушение всего талантливого, ибо сравнение не в его пользу. Отсюда и словословие — надо же создать видимость дела. Отсюда бесконечные заседания, совещания, ибо только в этом толчении воды в ступе бюрократ силен. Видимость работы: решение принял! Отсюда бесконечный поток бумаги, который, как горный сель, душит и заволакивает все живое. Но именно это и надо администратору. Народ спеленут запретительными путями, тогда бюрократ силен, тогда он всевластен, тогда он непобедим. Отсюда вседозволенность, отсюда закрытость и таинственность аппарата и партийного, и хозяйственного. Все это опять может привести к культу, может быть, еще более свирепому и жестокому. А почему нет? Есть у нас сегодня такие правовые, юридические, политические, конституционные гарантии, права, законы, которые бы оградили нас от возможного бесконтрольного администрирования, а там, глядишь, — и культ? Нет. И наша архиважная задача и народа, и партии найти, во что бы то ни стало найти, выработать такие законные гарантии, которые были бы непреодолимой преградой для любого лихого желателя покомандовать, погугать народ, пустить кровь. А что подобное абсолютно реально, показала

пехов на сцене. И хоть мы заклинали самих себя, что идея должна быть художественно выражена в жизни, в жизни чаще злободневность считалась главным достоинством. И тут уж было не до художественности, тем более, что злободневность очень высоко оценивалась и награждалась, а человек слаб и шел на это.

Конечно же, были глубокие, талантливые произведения, но о них речь. И как трудно они пробивались, не об этом сейчас говорю.

Главное-то в том, дорогие товарищи, что разве было когда-нибудь за последние годы, чтобы все встало на дыбы, все подвергается анализу, поискам выхода из того тупика, в который нас загнала и политика культа, и политика застоя.

Тогда все было вроде ясно: вот враг народа, вот герой страны, вот кулак, вот активист, вот белый, вот красный. Все ясно. Сейчас поди, разберись: кто «белый», кто «красный». Очень сложно. (Аплодисменты). Сейчас время непривычное, многих пугающее. Есть растерянные, есть злые, есть ждущие своего часа, чтобы привести в чувство народ, не в меру разгорившийся. И обнадеживающее, и трудно сейчас.

А главное, публицистика сильнее всяких детективов. Знаменитый Мегрэ в подметки не годится Гдьяну, что в Узбекистане работает следователем по особо важным делам. Мегрэ! Что такое Мегрэ по сравнению с тем, что открывает он там! (Смех). Искусство — это как выдох, но, не набрав воздуха, не выдохнешь. Театр никогда не уходил от